

Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов³⁴

³³ «Палач Самсон» (точнее Сансон А.) — парижский палач эпохи революции.

³⁴ Памфлет «Торжество дружбы, или оправданный Александр Анфимович Орлов» впервые напечатан в журнале «Телескоп» (1831. № 13). Причиной его написания стала полемика между «Телескопом» и «Северной пчелой» о новом романе Булгарина «Петр Иванович Выжигин», который Н.И. Надеждин — издатель «Телескопа» — ставил в один ряд с произведениями автора лубочных романов А.А. Орлова. Выступая якобы в защиту Орлова, Пушкин подвергает издательской критике произведения Булгарина, моральные принципы Булгарина и Греча.

In arenam cum aequalibus
descend! (Cic)³⁵

Посреди полемики, раздирающей бедную нашу словесность, Н.И. Греч и Ф.В. Булгарин более десяти лет подают утешительный пример согласия, основанного на взаимном уважении, сходстве душ и занятий гражданских и литературных. Сей назидательный союз ознаменован почтенными памятниками. Фаддей Бенедиктович скромно признал себя учеником Николая Ивановича, Н.И. поспешно провозгласил Фаддея Бенедиктовича *ловким своим товарищем*. Ф.В. посвятил Николаю Ивановичу своего «Дмитрия Самозванца»; Н.И. посвятил Фаддею Бенедиктовичу свою «Поездку в Германию». Ф.В. написал для «Грамматики» Николая Ивановича хвалебное предисловие^{****}; Н. Ив. в «Северной Пчеле» (издаваемой гг. Гречем и Булгариным) напечатал хвалебное объявление об «Иване Выжигине». Единодушие истинно трогательное! — Ныне Николай Иванович, почитая Фаддея Бенедиктовича оскорбленным в статье, напечатанной в № 9 «Телескопа»³⁶, заступился за своего товарища со свойственным ему прямодушием и горячностью. Он напечатал в «Сыне Отечества» (№ 27) статью, которая, конечно, заставит молчать дерзких противников Фаддея Бенедиктовича; ибо Николай Иванович доказал неоспоримо:

³⁵ «Я вышел на арену вместе с равными мне» (Цицерон, *лат.*).

**** Смотри «Грамматику» Греча, напечатанную в типографии Греча (примеч. А.С. Пушкина).

³⁶ Статья, напечатанная в «Телескопе», — рецензия Н.И. Надеждина на роман Булгарина.

- 1) Что М. И. Голенищев-Кутузов возведен в княжеское достоинство в июне 1812 г. (с. 64).
- 2) Что не сражение, а план сражения составляет тайну главнокомандующего (с. 64).
- 3) Что священник выходит навстречу подступающему неприятелю с крестом и святою водой (с. 65).
- 4) Что секретарь выходит из дому в статском изношенном мундире, в треугольной шляпе, со шпагой, в белом изношенном исподнем платье (с. 65).
- 5) Что пословица *vox roruli — vox deli*³⁷ есть пословица латинская и что она есть истинная причина французской революции (с. 65).
- 6) Что «Иван Выжигин» не есть произведение образцовое, но, *относительно*, явление приятное и полезное (с. 62).
- 7) Что *Фаддей Бенедиктович* живет в своей деревне близ Дерпта и просил его (*Николая Ивановича*) не посылать к нему вздоров (с. 68).

И что, следственно, *Ф.В. Булгарин* своими талантами и трудами приносит честь своим согражданам, что и доказать надлежало.

Против этого нечего и говорить: мы впервые громко одобряем *Николая Ивановича* за его откровенное и победоносное возражение, приносящее столько же чести его логике, как и горячности чувствований.

Но дружба (сие священное чувство) слишком далеко увлекла пламенную душу *Николая Ивановича*, и с его пера сорвались нижеследующие строки:

— «Там — (в № 9 «Телескопа») — *взяли две глупейшие, вышедшие в Москве — (да, в Москве) — книжонки, сочиненные каким-то А. Орловым*».

О, Николай Иванович, Николай Иванович! Какой пример подаете вы молодым литераторам? Какие

³⁷ «Глас народа — глас божий» (*лат.*).

выражения употребляете вы в статье, начинающейся сими строгими словами: «У нас издавна, и по справедливости, жалуются на цинизм, невежество и недобросовестность рецензентов!» Куда девалась ваша умеренность, знание приличия, ваша известная добросовестность? Перечтите, Николай Иванович, перечтите сии немногие строки — и вы сами с прискорбием сознаетесь в своей необдуманности.

— «Две глупейшие книжонки!., какой-то А. Орлов!».. Шлюсь на всю почтенную публику: какой критик, какой журналист решился бы употребить сии неприятные выражения, говоря о произведениях живого автора? ибо, слава богу; почтенный мой друг Александр Анфимович Орлов — жив! Он жив, несмотря на зависть и злобу журналистов; он жив к радости книгопродавцев, к утешению многочисленных читателей!

— «Две глупейшие книжонки!..» Произведения Александра Анфимовича, разделяющего с Фаддеем Бенедиктовичем любовь российской публики, названы: глупейшими книжонками! Дерзость неслыханная, удивительная, оскорбительная не для моего друга (ибо и он живет в своей деревне близ Сокольников; и он просил меня не посылать ему всякого вздору); но оскорбительная для всей читающей публики!*****

— «Глупейшие книжонки». Но чем докажете вы сию глупость? Знаете ли вы, Николай Иванович, что более 5000 экземпляров сих глупейших книжонок разошлись и находятся в руках читающей публики, что Выжигины г. Орлова пользуются благосклонностью публики наравне с Выжигиными г. Булгарина; а что образованный класс читателей, которые гнушаются теми и другими, не может и не должен судить о книгах, которых не читает?

***** См. разбор «Денницы» в «С [ыне] О [тчества]» (примеч. А.С. Пушкина).

Скрепя сердце, продолжаю свой разбор.
— «Две глупейшие! — (глупейшие!) — вышедшие в
Москве — (да, в Москве) — книжонки»...
В Москве, да, в Москве!.. Что же тут
предосудительного? К чему такая выходка противу
первопрестольного града?.. Не в первый раз заметили
мы сию странную ненависть к Москве в издателях
«Сына Отечества» и «Северной Пчелы». Больно для
русского сердца слушать таковые отзывы о матушке
Москве, о Москве белокаменной, о Москве,
пострадавшей в 1612 году от поляков, а в 1812 году от
всякого сброду.

Москва донине центр нашего просвещения: в Москве
родились и воспитывались, по большей части, писатели
коренные русские, не выходцы, не переметчики, для
коих *ubi bene, ibi patria*³⁸, для коих все равно: бегать ли
им под орлом французским, или русским языком
позорить все русское, — были бы только сыты.

Чем возгордилось петербургская литература?.. Г.
Булгариным?.. Согласен, что сей великий писатель,
равно почтенный и дарованиями и характером,
заслужил бессмертную себе славу; но произведения г.
Орлова ставят московского романиста если не выше, то,
по крайней мере, наравне с петербургским его
соперником. Несмотря на несогласие, царствующее
между Фаддеем Бенедиктовичем и Александром
Анфимовичем, несмотря на справедливое негодование,
возбужденное во мне неосторожными строками «Сына
Отечества», постараемся сравнить между собою сии
два блистательные солнца нашей словесности.

Фаддей Венед, превышает Александра Анфимовича
пленительною щеголеватостию выражений. Александр

³⁸ «Где хорошо, там и родина» (лат.). Намек на Булгарина,
служившего в 1812 г. в армии Наполеона.

Анф. берет преимущество над Фадд. Бенедиктовичем живостию и острою рассказа.

Романы Фаддея Венед, более обдуманы, доказывают большее терпение***** в авторе (и требуют еще большего терпения в читателе); повести Александр Анф. более кратки, но более замысловаты и заманчивы. Фаддей Венед, более философ; Александр Анф. более поэт.

Фад. Венед, гений; ибо изобрел имя *Выжигина*, и сим смелым нововведением оживил пошлые подражания *Совестодралу* и *Английскому Милорду*³⁹, Александр Анф. искусно воспользовался изобретением г. Булгарина и извлек из оного бесконечно разнообразные эффекты.

Фаддей Венед., кажется нам, немного однообразен; ибо все его произведения не что иное, как Выжигин в различных изменениях: *«Иван Выжигин»*, *«Петр Выжигин»*, *«Дмитрий Самозванец, или Выжигин XVII столетия»*, собственные записки и нравственные статейки — все сбивается на тот же самый предмет. Александр Анф. удивительно разнообразен. Сверх несметного числа *«Выжигиных»*, сколько цветов рассыпал он на поле словесности! *«Встреча Чумы с Холерою»*; *«Сокол был бы Сокол, да Курица его съела, или Бежавшая Жена»*; *«Живые обмороки»*, *«Погребение Купца»*, и проч. и проч.

Однако же беспристрастие требует, чтоб мы указали сторону, с коей Фаддей Венед, берет неоспоримое преимущество над своим счастливым соперником;

***** Гений есть терпение в высочайшей степени — сказал известный Бюффон (*Бюффон Ж.* (1707—1788) — французский натуралист). (примеч. А.С. Пушкина).

³⁹ *Совестодрал* и *Английский Милорд* — герои лубочных романов XVIII в.

разумею нравственную цель его сочинений. В самом деле, любезные слушатели, что может быть нравственнее сочинений г. Булгарина? Из них мы ясно узнаем; сколь не похвально лгать, красть, предаваться пьянству, картежной игре и тому под. Г. Булгарин наказует лица разными затейливыми именами: убийца назван у него — Ножевым, взяточник — Взяткиным, дурак — Глаздуриным, и проч. Историческая точность одна не дозволила ему назвать Бориса Годунова — Хлопоухиным, Дмитрия Самозванца — Каторжниковым, а Марину Мнишек — княжною Шлюхиной, зато и лица сии представлены несколько бледно.

В сем отношении г. Орлов решительно уступает г. Булгарину. Впрочем, самые пламенные почитатели Фаддея Венед, признают в нем некоторую скуку, искуplenную назидательностью; а самые ревностные поклонники Александра Анф. осуждают в нем иногда необдуманность, извиняемую, однако ж, порывами гения.

Со всем тем Александр Анф. пользуется гораздо меньшею славой, нежели Фаддей Венед. Что же причиною сему видимому неравенству?

Оборотливость, любезные читатели, оборотливость Фаддея Бенедиктовича, ловкого товарища Николая Ивановича! *«Иван Выжигин»* существовал еще только в воображении почтенного автора, а уже в *«Северном Архиве»*⁴⁰, *«Северной Пчеле»* и *«Сыне Отечества»* отзывались об нем с величайшею похвалою. Г. Ансело⁴¹ в своем путешествии, возбудившем в Париже общее внимание, провозгласил сего, еще не существовавшего,

⁴⁰ «Северный Архив» — журнал истории, статистики и путешествий, издаваемый Булгариным и Гречем.

⁴¹ Ансело — французский поэт, был в России в 1826 г.

«Ивана Выжигина», лучшим из русских романов. Наконец «Иван Выжигин» явился; и «Сын Отечества», «Северный Архив» и «Северная Пчела» превознесли его до небес. Все кинулись его читать; многие прочли до конца; а между тем похвалы ему не умолкали в каждом номере «Сев. Архива», «Сына Отеч.» и «Сев. Пчелы». Сии усердные журналы ласково приглашали покупателей; ободряли, подстрекали ленивых читателей, угрожали мезьей недоброжелателям, недочитавшим «Ивана Выжигина» из единой низкой зависти.

Между тем, какие вспомогательные средства употреблял Александр Анфимович Орлов?

Никаких, любезные читатели!

Он не задавал обедов⁴² иностранным литераторам, не знающим русского языка, дабы за свою хлеб-соль получить местечко в их дорожных записках.

Он не хвалил самого себя в журналах, им самим издаваемых.

Он не заманивал унижительными ласкательствами и пышными обещаниями подписчиков и покупателей.

Он не шарлатанил газетными объявлениями, писанными слогом афиш собачьей комедии.

Он не отвечал ни на одну критику; он не называл своих противников дураками, подлецами, пьяницами, устрицами и тому под.

Но — обезоружил ли тем он многочисленных врагов? Нимало. Вот как отзывались о нем его собратья:

«Автор вышеисчисленных творений сильно штурмует нашу бедную русскую литературу и хочет разрушить русский Парнас не бомбами, но каркасами, при помощи

⁴² «Он не задавал обедов» — намек на обед, который дали Булгарин и Греч Ансело, расхвалившему потом их произведения в своей книге «Шесть месяцев в России».

услужливых издателей, которые щедро платят за каждый манускрипт знаменитого сего творца, по двадцати рублей ходячею монетою, как уверяли нас знающие дело книгопродавцы. Автор есть муж — *из ученых*, как видно по латинским фразам, которыми испещрены его творения, а сущность их доказывает, что он, как сказано в «Недоросле»: «Убоясь бездны премудрости, вспять обратился». — Знаменитое лубочное произведение: «Мыши кота хоронят, или небылицы в лицах», есть Илиада в сравнении с творениями г. Орлова, а Бова Королевич — герой, до которого не возвысился еще почтенный автор... Державин есть у нас *Альфа*, а г. Орлов *Омега* в литературе, то есть, последнее звено в цепи литературных существ, потому *заслуживает внимания, как все необыкновенное******. ...Язык его, изложение и завязка могут сравняться только с отвратительными картинами, которыми наполнены сии чада безвкусыя, и с смелостью автора.

Никогда в Петербурге подобные творения не увидели бы света, и ни один из петербургских уличных разносчиков книг (не говорим о книгопродавцах) не взялся бы их издавать. По какому праву г. Орлов вздумал наречь своих холопей, хлыновских степняков Игната и Сидора, детьми Ивана Выжигина, и еще в то самое время, когда автор Выжигина издает другой роман под тем же названием?.. Никогда такие омерзительные картины не появлялись на русском языке. Да здравствует московское книгопечатание!» («Сев. Пч.», 1831, № 46).

Какая злонамеренная и несправедливая критика! Мы заметили уже неприличие нападений на Москву; но в

***** Важное сознание! Прошу прислушать! (примеч. А.С. Пушкина).

чем упрекают здесь почтенного Александра Анфимовича?.. В том, что за каждое его сочинение книгопродавцы платят ему по 20 рублей? что же! бескорыстному сердцу моего друга приятно думать, что, получив 20 рублей, доставил он другому 2000 выгоды*****; между тем, как некоторый петербургский литератор, взяв за свою рукопись 30 000, заставил охать погорячившегося книгопродавца!!!

Ставят ему в грех, что он знает латинский язык. Конечно; доказано, что Фаддей Бенедиктович (издавший Горация с чужими примечаниями) не знает по-латыни; но ужели сему незнанию обязан он своею бессмертною славою?

Уверяют, что г. Орлов *из ученых*. Конечно; доказано, что г. Булгарин вовсе не учен, но опять повторяю: разве невежество есть достоинство столь завидное?

Этого недовольно: грозно требуют ответа от моего друга: как дерзнул он присвоить своим лицам имя, освященное самим Фаддеем Бенедиктовичем? Но разве А.С. Пушкин не дерзнул вывести в своем «Борисе Годунове» все лица романа г. Булгарина и даже воспользоваться многими местами в своей трагедии (писанной, говорят, пять лет прежде и известной публике еще в рукописи!)?

Смело ссылаюсь на совесть самих издателей «Сев. Пчелы»; справедливы ли сии критики? виноват ли Александр Анфимович Орлов?

Но еще смелее ссылаюсь на почтенного Николая Ивановича: не чувствует ли он глубокого раскаяния, оскорбив напрасно человека с столь отличным дарованием, *не состоящего с ним ни в каких сношениях,*

***** Историческая истина! (примеч. А. С. Пушкина).

вовсе его не знающего и не писавшего о нем ничего дурного?

Феофилакт Косичкин

Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. XI. С. 204—210.